

Карина Мирова

ЧИСТЫЙ СВЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Карина Мирова

Чистый свет

«Автор»

2026

Мирова К.

Чистый свет / К. Мирова — «Автор», 2026

У каждой из нас есть своя «серая плитка». Своя отутюженная белая блузка, застёгнутая до самого горла, в которой трудно дышать. Свой «идеальный» мужчина, который с любящей улыбкой решает, как нам жить на тридцать лет вперёд. И родители, чьё тихое: «Что скажут люди?» — бьёт под дых сильнее физического удара. Дана — успешный аналитик рисков. Она филигранно научилась соответствовать чужим ожиданиям, но забыла, как быть собой. Её тело кричало о помощи паническими атаками, пока в один день стерильный мир не раскололся надвое. Ян — уличный скульптор, закрытый бунтарь с израненным сердцем и титановыми тисками вместо рук. Его дерзость — колючая проволока, за которой он прячет страх уязвимости. Им предстоит сойтись как двум диким зверям. Пройти через ломку психологических защит, яростные поцелуи на верстаке и сокрушительное разрушение созависимости. Это роман-зеркало. Роман-терапия. Снимите маски. Пришло время выпустить птицу из клетки и впустить в жизнь чистый свет.

© Мирова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Цена безупречности	5
Глава 1. Белый воротничок и синие чернила	6
Глава 2. Геометрия чужого уюта	8
Глава 3. Золотая удавка	10
Глава 4. Изнанка безупречности	12
Глава 5. Запах ультрамарина и первый бунт	15
Глава 6. Ошибка матрицы	18
Глава 7. Смытый грим и чашка кофе	21
Глава 8. Скорость и чистый лист	23
Глава 9. Мышечная память послушания	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Карина Мирова

Чистый свет

Предисловие. Цена безупречности

У каждой из нас есть персональная «серая плитка». Идеально отутюженная белая блузка, застёгнутая на пуговицы до самого горла, в которой порой так трудно дышать. Престижная должность, где мы сильные, жёсткие и управляем процессами, но, возвращаясь домой, внезапно превращаемся в испуганных девочек, готовых сдавать границы капля за каплей. «Идеальный» мужчина, который с самой нежной, любящей улыбкой на лице решает, что нам пить, как тренироваться и по какому сценарию двигаться на тридцать лет вперёд. И, конечно, заботливые родители, чьё тихое: «Ты должна соответствовать, что скажут люди?» — бьёт под дых сильнее любого физического выпада.

Эта книга — не сборник сухих психологических упражнений и не волшебная таблетка от всех бед. Это роман-зеркало. Текст-терапия.

История Даны — успешного аналитика, которая филигранно научилась соответствовать сторонним ожиданиям, но в процессе... просто забыла, как быть собой. Тело кричало о помощи паническими атаками и удушающим комом в горле, но она продолжала глотать яд вины и стыда, бережно охраняя стены золотой, стерильной клетки. Пока в один прекрасный день выверенная геометрия не раскололась надвое.

Это повествование о том, что настоящее пробуждение души никогда не бывает линейным, гладким и безболезненным. Это медленный, изнурительный маршрут от полной потери себя к безраздельному обладанию истинной сутью. Веха, на которой старые кости ломаются с мясом, а новые опоры приходится выковыривать голыми кистями из жёсткой, ломаной стали.

Здесь вы не найдёте идеальных принцев на белых конях. Мужчина, который ворвётся в застывший ритм Даны, — яростный, закрытый кустарь Ян — поломан ещё сильнее, чем она сама. Его дерзость — это не свобода, а колючая проволока, за которой он прячет животный страх перед уязвимостью. Они будут сближаться, как два диких зверя, истекая кровью, совершая ошибки и проходя через жестокие откаты назад, в глухие оборонительные барьеры.

Читая эту книгу-детектор, вы неизбежно будете наткаться на собственные скрытые триггеры. Узнаете себя в минутах парализующего страха Даны перед чужим одобрением. Почувствуете вкус подавленной ярости, когда она впервые наденет боксёрские перчатки, чтобы физически выбить из материи мышечную память покорности. И будете плакать вместе со скульптором, когда его титановый панцирь впервые даст глубокую, необратимую трещину перед лицом настоящей, обнажённой любви.

Но самое главное — вместе с Даной вы освоите ключевую веху: чтобы подчинить металл, нужно перестать бояться огня. Вы научитесь произносить твёрдое, бескомпромиссное «НЕТ» всему, что пытается стереть уникальность разума. Вы вспомните настоящие ориентиры, сокровенные мечты и обретёте в кармане персональную заземляющую точку опоры.

Переверните страницу. Сделайте глубокий вдох. Снимите маски. Пришло время выпустить птицу из клетки и впустить подлинное, пробуждающее сияние.

Глава 1. Белый воротничок и синие чернила

В офисе центрального отделения банка «Дельта» пахло дорогим парфюмом, антисептиком для рук и едва уловимым металлическим запахом больших денег. Стекло, хром, идеальный глянец полов. В этом пространстве не было места случайностям — всё подчинялось строгим алгоритмам.

Дана сидела на еженедельном совещании департамента рисков. На ней была идеально отутюженная белая блузка с воротником-стойкой, застёгнутым на все пуговицы. Ни одной лишней складки. Волосы уложены в безупречный, тугий пучок — волосок к волоску. Мама всегда говорила: «Женщина твоего статуса должна выглядеть так, словно её только что достали из подарочной коробки».

— ...таким образом, в третьем квартале мы прогнозируем спад маржинальности на два процента, — монотонно бубнил начальник отдела, листая слайды презентации.

Вокруг кивали умные, сосредоточенные лица коллег. Дана тоже кивнула. Автоматически. Лицо давно научилось жить отдельной от неё жизнью — улыбаться, когда нужно, выражать глубокую вовлечённость и согласие.

Под столом правая туфля на шпильке слегка покачивалась, а рука сжимала дорогую ручку Parker — подарок Максима на прошлый Новый год. Перед девушкой лежал строгий брендированный блокнот с логотипом банка. На белой плотной странице уже не оставалось свободного места.

Пока начальник говорил о цифрах, пальцы Даны двигались сами по себе. Тонкие синие линии переплетались в причудливые узоры. Из угла листа вырос огромный, растрёпанный цветок с тяжёлыми лепестками, а вокруг кружились крошечные птицы, больше похожие на осколки битого стекла. Девушка не думала, что рисует. Это было похоже на кислородную маску: пока рука выводила штрихи, она могла дышать.

— Дана? — резкий голос начальника разрезал тишину. — Вы подготовили аудит по застройщику?

Она вздрогнула. Ручка сорвалась, прочертив жирную, уродливую черту прямо через крыло нарисованной птицы. Сердце испуганно ёкнуло.

— Да, конечно, — голос прозвучал ровно, уверенно. Словно внутри не было этой паники. — Отчёт у вас на почте. Риски минимальны, если мы затребуем дополнительные гарантии.

— Отлично. Как всегда, безупречно, — удовлетворенно кивнул начальник.

Дана опустила глаза на блокнот. Жирный синий шрам перечеркнул птицу. Ей вдруг стало физически душно. Воротничок блузки показался удавкой. Она быстро, пока никто не заметил, перевернула страницу, пряча рисунок — маленькую, тайную глупость. «Тебе двадцать шесть, Дана. Ты ведущий аналитик. Хватит страдать... Хватит страдать ерундой», — мысленно приказала она себе.

Вечером город задыхался в дожде и пробках. Дана сидела на пассажирском сиденье белоснежного внедорожника Максима. В салоне пахло дорогой кожей и мятным освежителем. Мужчина уверенно вёл машину, держась за руль одной рукой. На запястье поблескивали тяжёлые часы. Он был идеальным. Умным, перспективным, чётким. Из тех людей, у которых план на жизнь расписан в Excel до пятидесяти лет.

— На выходных поедem посмотреть плитку для ванной в загородный дом, — ровным тоном говорил Максим, поворачивая за угол. — Я выбрал матовый серый керамогранит. Строго, стильно. Мама одобрила. И по поводу твоего дня рождения завтра: я забронировал столик в «Олимпе» на семь вечера. Родители будут к семи пятнадцати. Мои — к пол-восьмого.

— Максим, — тихо позвала Дана, глядя на капли, стекающие по стеклу. — А можно... можно мы в этот раз без ресторана? Просто вдвоём? Купим пиццу, останемся дома... Я так устала на этой неделе. Контроль рисков меня просто выжал.

Он на секунду повернул к ней голову. На лице отразилось мягкое, снисходительное недоумение, с каким смотрят на капризного ребёнка.

— Дана, ну что за глупости? Мы же договорились. «Олимп» — лучший ресторан в городе, там нужно бронировать места за месяц. Твой отец любит их стейки. К тому же это прилично. Тебе исполняется двадцать семь, солидный возраст. Какая пицца?

Он протянул руку и слегка сжал её ладонь. Пальцы были сухими и холодными.

— Ты просто переутомилась, милая. Станешь руководителем департамента — наймём тебе ассистента. Всё идёт по плану. Не придумывай проблемы там, где их нет.

Дана промолчала. Она мягко забрала руку, сославшись на то, что нужно поправить зеркальце. Внутри, где-то глубоко под рёбрами, заворочалась тяжёлая, холодная пустота. Ей казалось, что жизнь — это рельсы. Идеально ровные, дорогие, блестящие рельсы. И поезд судьбы несётся по ним с огромной скоростью. Всё правильно. Всё замечательно. Только внутри этого поезда совершенно нечем дышать.

Глава 2. Геометрия чужого уюта

Квартира Максима напоминала разворот дорогого архитектурного журнала, из которого намеренно вытравили любые признаки человеческого присутствия. Здесь господствовала стерильная, холодная геометрия: ровные линии белых глянцевых фасадов кухни, скрытые светодиодные ленты вместо живого света ламп и полное отсутствие мелких бытовых вещей на поверхностях. Никаких магнитиков на холодильнике, ни одной случайно оставленной чашки. Максим называл это «осознанным минимализмом». Дана называла это место операционной, в которой с каждым днём становилось всё труднее дышать.

Вечер пятницы перед её днём рождения подчинялся строгому регламенту. В девятнадцать ноль-ноль они должны были ужинать. Не раньше и не позже. Пока Максим ушёл в кабинет переодеться и ответить на срочный звонок из банка, Дана стояла у кухонного острова в домашнем серых шёлковом халате. Нарезка овощей превратилась для неё в очередное испытание на безупречность. Она старалась резать черри идеально пополам, но мысли то и дело улетали к крафтовому конверту с сертификатом на живопись от Киры, который лежал на самом дне сумки в прихожей.

Минута в минуту, ровно в 18:45, Максим бесшумно вошёл на кухню. В его мире не существовало пробок или задержек, потому что он рассчитывал риски и выстраивал графики заранее. Его белоснежная рубашка даже после десятичасового рабочего дня казалась безупречно отутюженной.

Он подошёл к Дане со спины, мягко положил сухие, прохладные ладони ей на плечи и наклонился, чтобы поцеловать в щёку. Девушка инстинктивно замерла, плечи напряглись. Этот жест, который со стороны выглядел как проявление нежности, внутри ощущался как проверка контроля. Максим всегда проверял её осанку. «Женщина твоего статуса не должна сутулиться, Дана», — часто повторял он.

Он скользнул взглядом по деревянной доске, на которой она резала овощи, и его брови едва заметно нахмурились.

— Дана, солнышко, — его тон оставался безупречно мягким, снисходительным, каким разговаривают с милым, но немного глуповатым ребёнком. — Мы же договорились. Для «Капрезе» томаты нужно резать тонкими кружочками, а не четвертинками. Так нарушается вкусовой баланс и эстетика блюда. Переделай, пожалуйста.

Внутри Даны что-то болезненно сжалось. Старый, въевшийся с детства триггер — страх оказаться неидеальной, разочаровать, сделать «неправильно» — мгновенно активировался. Ей безумно захотелось извиниться, сказать: «Ой, прости, я сейчас всё исправлю». Пальцы автоматически потянулись к новому томату.

— Хорошо, я перережу, — тихо ответила Дана, опуская глаза.

— Вот и отлично, — Максим удовлетворенно улыбнулся и открыл ноутбук, устраиваясь за кухонным столом. — Кстати, по поводу загородного дома. Юристы проверили документы, земля чистая. Завтра в одиннадцать едем в шоурум выбирать керамогранит для ванной. Мама уже одобрила фабрику, она считает, что матовая текстура — это самый статусный вариант.

— Максим... — Дана замерла с ножом в руке, собирая остатки мужества. — А можно... мы выберем не серый? Мне кажется, в этом доме и так слишком много холодного и белого. Давай посмотрим что-то более тёплое? Натуральный камень, дерево, может, немного терракотового или зелёного? Чтобы там было... уютно. Живое.

Максим медленно закрыл крышку ноутбука. На его лице не отразилось ни капли злости — только глубокое, почти отеческое разочарование. Он посмотрел на неё так, словно она предложила покрасить стены загородной виллы в ядовито-розовый цвет.

— Дана, ну что за детские капризы? — его голос звучал ровно, взвешенно, убивая любую инициативу на корню. — Терракотовый? Зелёный? Это же полная безвкусица, цыганщина. Мы строим дом премиум-класса. Есть чёткие стандарты современного дизайна: лаконичность, монохром, функциональность. Серый матовый цвет — это база. Он не надоест через два года. Твоя мама, между прочим, полностью со мной согласна. Она сказала, что у тебя опять начался подростковый синдром противоречия. Тебе нужно просто отдохнуть. Аудит в банке тебя выжал, ты стала слишком импульсивной. Не придумывай проблемы там, где их нет, любимая. Я уже всё просчитал. Всё будет чётко. По плану.

Каждое его слово падало на Дану многотонным бетонным блоком, закатывая живые желания под глянцевый асфальт его «правильности». Самое страшное в манипуляциях Максима было то, что он никогда не повышал голос. Он уничтожал её идентичность с мягкой, заботливой улыбкой, выставляя любые потребности глупостью, а усталость — душевным дефектом. И Дана глотала это. Чувство вины и стыда за воображаемую «неправильность» тяжёлым комом вставало в горле, лишая возможности дышать.

— Да, наверное, ты прав. Я просто устала, — безжизненно прошептала она, послушно нарезая томаты тонкими кружочками.

Она смотрела на безупречную геометрию блюда на тарелке и понимала: в этой идеальной Excel-таблице его жизни для неё настоящей просто не было свободного места. Если она не вырвется из стерильной клетки прямо сейчас, её душа окончательно превратится в холодный, мёртвый серый керамогранит.

Глава 3. Золотая удавка

С самого утра телефон превратился в непрерывно вибрирующий глянцевый конвейер. Экран вспыхивал каждые три минуты, заполняя пространство спальни дежурными, стерильными фразами. Коллеги по департаменту рисков, дальние родственники, которых она видела дважды в жизни, бесчисленные знакомые из «правильного круга» — все словно сговорились, транслируя в один голос запрограммированные коды. Ей желали «остаться такой же безупречной», «уверенно расти по карьерной лестнице», «быть гордостью родителей» и, конечно, «скорейшей, красивой свадьбы с Максимом».

Дана читала эти сообщения, и казалось, что её заживо заколачивают в дорогой лакированный гроб. Никто не спросил, счастлива ли она. Никто не поинтересовался, почему третью неделю не проходит глухая, ноющая боль в груди и почему по утрам всё труднее сделать первый вдох. Мир требовал одного — продолжать быть выверенным фасадом.

В ресторане «Олимп» всё прошло ровно так, как расписал Максим в своей Excel-таблице. Минута в минуту. В девятнадцать ноль-ноль они переступили порог заведения, где приглушённый, интимный свет услужливо скрывал фальшь на лицах гостей, а официанты в белоснежных перчатках двигались с грацией беззвучных роботов. На столе поблескивал дорогой фарфор, в хрустальных бокалах переливалось коллекционное вино, а в воздухе стоял удушливый, приторный запах статусных амбиций.

Мама Даны, Инесса Павловна, сидела с безупречно прямой осанкой, держа бокал двумя пальцами с выверенным французским маникюром. Оценивающий, сканирующий взгляд прошёл дочь насквозь за долю секунды, фиксируя малейшие отклонения от регламента. Женщина тяжело вздохнула:

— Дана, этот цвет помады тебя бледнит. Ты выглядишь уставшей, а женщина твоего статуса должна сиять. И почему ты не надела те серьги с изумрудами, что мы с отцом подарили тебе в прошлом году? Они идеально подошли бы к жакету.

Дана открыла рот, чтобы сказать, что от тяжёлых изумрудов физически болят мочки ушей, а от этого тона помады просто тепло внутри, но мать уже потеряла к ней интерес. Инесса Павловна мгновенно развернулась к Максиму, и лицо расцвело в приторной, восхищённой улыбке, в которой сквозила вся нереализованная потребность в элитной жизни.

— Максим, дорогой, вы такой молодец. Этот ресторан — просто чудо, сюда ведь невозможно достать бронь. Нам так невероятно повезло с вами. Настоящий мужчина, надёжный, прочный стержень для нашей девочки. Вы так прекрасно на неё влияете. А то она у нас, знаете ли, с детства имеет дурную привычку витать в облаках. Постоянно приходилось заземлять её, выбивать эти глупые фантазии.

Отец Даны согласно угукнул, не отрываясь от сочного стейка с кровью. Вся его некогда бунтующая мужская суть давно была сломлена долгами и авторитетом жены — теперь он просто выполнял функцию безмолвной декорации на семейных праздниках.

Максим от этих слов гордо выпрямил спину. На его лице застыло выражение сытого, снисходительного торжества. Он мягко накрыл ладонь Инессы Павловны своей прохладной рукой:

— Ну что вы, Инесса Павловна. Дана просто требует правильной огранки. У неё сложный аналитический ум, её нужно направлять в верное русло, чтобы она не растрачивала ресурс на импульсивные глупости. Всё под контролем, у нас всё идёт строго по плану.

Дана сидела между ними, натянув на лицо привычную, дежурную, выверенную годами улыбку «хорошей девочки». Но внутри происходил тектонический сдвиг. Кожа под серым шёлковым жакетом горела, воротничок блузки казался удавкой, которая затягивалась с каждым словом матери и каждым одобрительным кивком Максима. Ей казалось, что если она сейчас

закричит во весь голос, разобьёт этот хрустальный бокал об пол или перевернет тяжёлый стол со всеми их стойками и дорогими винами — они даже не удивятся. Они не увидят в этом её боль. Они просто брезгливо переглянутся, вызовут частного врача и спишут всё на переутомление от аудита, потому что «идеальная Дана» в их матрице не способна на живой, человеческий протест. Право на эмоции было давно у неё выкуплено.

— Да, кстати, — Инесса Павловна встрепелась, изящно потянувшись к брендовой сумочке. — Чуть не забыла. Моя парикмахерша передала для тебя подарок на день рождения. Представляешь, её легкомысленная дочка Кира открыла какую-то подвальную студию. Занимается богемой, прости господи. В общем, держи. Положишь куда-нибудь.

Мать небрежно бросила на белоснежную скатерть прямоугольный конверт из плотной, шершавой крафтовой бумаги. Он выглядел абсолютно чужеродно, даже дико среди стерильного дорогого фарфора, хрусталя и пафоса ресторана «Олимп». На конверте размашистым, небрежным, пачкающимся углём почерком было написано: *«Сертификат на индивидуальный мастер—класс по живописи. Свобода на холсте»*.

Дана взяла конверт. Пальцы мгновенно ощутили непривычную, тёплую текстуру шершавой бумаги. И в ту же секунду, пробиваясь сквозь ароматы дорогих ресторанных блюд и парфюма, явственно вспыхнул фантомный, давно забытый шлейф из детства — аромат льняного масла, сухой постели и свободы. Тот самый запах, который мама когда-то заперла в кладовке вместе с конфискованными мольбертами.

Максим скользнул пренебрежительным взглядом по крафту, недовольно приподнял бровь и снисходительно хмыкнул, возвращаясь к бокалу:

— Живопись? Забавный тайм-киллер для подростков. Но у Даны сейчас годовой аудит строительного фонда, ей точно не до пачканья рук краской. Там серьёзные риски, нужно держать голову свежей, а не забивать её ерундой. Да, милая? Передай этот купон кому-нибудь из ассистентов, пусть развлекается.

Он сказал это так, словно вопрос закрылся автоматически. Он даже не сомневался в ответе, потому что «идеальная Дана» всегда подчинялась его логичным, просчитанным доводам.

Девушка перевела взгляд с лица жениха на шершавый конверт. Пальцы крепко, до хруста бумаги, сжали крафт. И вдруг, впервые за все двадцать семь лет жизни, дежурная улыбка полностью исчезла с лица. Маска отличницы сползла, обнажая упрямый, ломаный стержень. Внутри, в самом низу живота, там, где годами копилась подавленная, запертая ярость, родилось едва заметное, но обжигающе горячее, титановое сопротивление. Огонёк истинной сути, который они так усердно заземляли, вспыхнул с сокрушительной силой.

Она выпрямила шею, посмотрела прямо в холодные, уверенные глаза Максима и тихо, но удивительно твёрдо, чеканя каждое слово, произнесла:

— Почему же, Максим. Я пойду. Завтра же вечером. Сразу после работы.

За столом на секунду повисла глухая, оглушительная тишина, нарушаемая только скрипом ножа отца по тарелке. Инесса Павловна удивлённо, почти испуганно приподняла безупречно выщипанную бровь, а Максим замер, так и не донеся бокал до губ. Лицо побледнело, а между бровей залегла резкая складка. В его идеальной, выверенной до секунд таблице Excel, где чужая жизнь была расписана на годы вперёд, вдруг выскочила системная, неустраняемая ошибка матрицы. «Хорошая девочка» впервые посмела выбрать себя.

Глава 4. Изнанка безупречности

Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала: Дана стояла перед зеркалом в ванной комнате и аккуратно, штрих за штрихом, рисовала на лице чужую женщину. Наносила тональный крем, скрывая бледность и тени под глазами — следы хронического, изнуряющего недосыпа. Укладывала волосы в безупречный, тугой пучок. Застёгивала пуговицы блузки. Мама всегда говорила: «Твой внешний вид — это уважение к обществу». Но девушке казалось, что эта одежда — просто дорогая, сшитая по индивидуальным лекалам смиренная рубашка.

В какой именно момент она потеряла себя? Дана часто думала об этом, глядя на ровный поток машин за панорамным окном офиса. Это произошло не за один день. То была медленная, незаметная капитуляция души перед чужими ожиданиями. Синдром «хорошей девочки» ведь не рождается из ниоткуда — он формируется годами через мягкое, удушающее насилие одобрением. С самого детства ей транслировали невидимый код: «Мы любим тебя только тогда, когда ты удобная, предсказуемая и успешная». В итоге она научилась филигранно угадывать чужие желания, намертво заглушая свои собственные.

В детстве она любила рисовать. Настоящая Дана часами сидела на полу в родительской гостиной, пачкая колени в пастели, и создавала на огромных листах ватмана безумные, яркие миры. Ей казалось, что через цвета она разговаривает с Богом. Но потом отец прогорел в бизнесе. В доме поселился глухой, звенящий страх нищеты, и мама, поджав губы, убрала мольберты в кладовку. «Художники всегда голодают, Даночка. Тебе нужна стабильность. Престиж. Чтобы всё было чётко».

И Дана послушалась. Она задушила в себе ту маленькую, живую девочку, которая хотела танцевать под дождём и пачкать пальцы в ультрамарине. Поступила на экономический. Получила красный диплом. Устроилась в престижный банк. Стала «гордостью семьи».

Но цена этой гордости оказалась невыносимой. С каждым новым годом, с каждой карьерной ступенью Дана всё глубже увязала в чужой идеальности. Она так безупречно научилась соответствовать сторонним проекциям, что в какой-то момент просто забыла, как быть собой. Внутри, под шёлком дорогого жакета, образовалась огромная, чёрная, ледяная пустота.

И с ужасом понимала, что ответов нет. Настоящая Дана исчезла, растворилась в бесконечных Excel-таблицах, правильных ужинах с родителями и матовом сером керамограните, который выбирал Максим. Она стала безупречным призраком в чужой, чуждой жизни. Тело подавало сигналы: ком в горле, от которого порой невозможно было проглотить даже глоток воды, внезапные панические атаки среди рабочего дня, когда стены офиса начинали медленно сжиматься, лишая кислорода. Врачи разводили руками и выписывали успокоительное, списывая всё на банальный стресс. Они не понимали, что тело просто кричало о помощи. Душа умирала в этой золотой, стерильной клетке. Ей нужно было либо сломаться окончательно, согласившись стать красивым аксессуарным дополнением в планах Максима на ближайшие тридцать лет, либо устроить взрыв, который разнесёт геометрию чужого уюта в мелкие дребезги.

Дана не была безвольной. В свои двадцать шесть она занимала должность ведущего аналитика департамента рисков банка «Дельта», и в подчинении находилась команда из пяти человек. На совещаниях её голос звучал ровно, профессионально и жёстко. Она умела разворачивать крупные сделки, если видела скрытые угрозы, и сотрудники искренне её уважали, хотя и считали немного застёгнутой на все пуговицы. У неё был стержень. Но этот стержень годами методично перемалывался в пыль самыми близкими людьми.

— Дана Алексеевна, юристы задерживают согласование по застройщику, — в кабинет робко заглянула ассистентка Алина.

— Передай им, что если документов не будет на столе к четырнадцати ноль-ноль, я лично аннулирую их гарантийный лимит, — не поднимая глаз от монитора, отчеканила Дана.

Алина кивнула и поспешно исчезла. Девушка осталась одна. Она откинулась на спинку кожаного кресла и закрыла глаза. Пальцы правой руки привычно скользнули в карман строгого серого жакета — там пока лежала лишь пачка дорогих мятных леденцов, которые Максим просил держать при себе «для свежести дыхания перед встречами».

Она вспомнила недавний разговор с матерью по телефону. Инесса Павловна, как всегда, говорила мягким, интеллигентным тоном, который ранил сильнее любого крика: «Даночка, мне звонила Лариса, у её дочери муж стал вице-президентом фонда. Тебе нужно активнее проявлять себя, дорогая. Ты должна добиться большего. И, пожалуйста, купи то синее платье, которое мы видели в пассаже. Ты обязана выглядеть безупречно. Максим — перспективный мужчина, вокруг него вьётся много хищниц, ты должна полностью ему соответствовать».

«Соответствовать». Это слово было выжжено на подкорке сознания.

Максим появился в её жизни три года назад — именно тогда, когда отец окончательно погряз в долгах, а семья балансировала на грани позора. Мужчина казался спасителем. Он окружил Дану такой плотной, удушающей опекой, которая поначалу виделась высшим проявлением любви.

Он взял на себя всё. Ходил с ней на функциональные тренировки в элитный фитнес-клуб три раза в неделю, лично контролируя пульс и технику выполнения упражнений. Нанял нутрициолога и мягко, но непреклонно диктовал, какие именно зелёные смузи ей лучше пить по утрам, сколько литров чистой воды употреблять в день и в какое время ложиться спать, чтобы сохранять «ресурсное состояние кожи».

— Милая, сахар разрушает коллаген, тебе не стоит брать этот десерт, — с улыбкой говорил он в ресторане, плавно отодвигая тарелку с пирожным.

— Солнышко, этот бренд одежды слишком легкомысленный для ведущего аналитика, давай зайдём в бутик деловых костюмов, — советовал он, оплачивая покупки своей картой.

Сначала Дана это искренне нравилось. После хаоса и нищеты, в которые едва не рухнула семья, чёткая, выверенная до секунд жизнь Максима казалась тихой, безопасной гаванью. Чувствовалось, что о ней просто заботятся так, как никто никогда не заботился.

Но неделя за неделей эта контролирующая система начала менять структуру. Дана сама не заметила, как полностью потеряла внутренние ориентиры. Она перестала понимать, чего хочет сама, а что навязано партнёром и матерью. Личные вкусы, любовь к спонтанным прогулкам под дождём, привычка слушать громкий рок в наушниках и рисовать птиц на обрывках бумаги — всё это было признано незрелым, не соответствующим статусу и аккуратно ликвидировано.

Она начала чувствовать себя запертой в вольере. В очень дорогом, красивом, закрытом капсульном вольере со стерильными белыми стенами и безупречным климат-контролем. Пространстве, которое Максим выстроил вокруг неё с самой нежной и любящей улыбкой на лице. Самое страшное заключалось в том, что из этого капкана Дана уже безумно тяжело было выбраться. Каждый раз, когда внутренний стержень пытался взбунтовать, когда она робко говорила: «Максим, я не хочу серую плитку» или «Я устала от тренировок», включалась тяжёлая артиллерия. Мужчина вздыхал, смотрел на неё с искренней, глубокой жалостью и напоминал, сколько всего сделал для её отца и как сильно непослушание дочери расстраивает Инессу Павловну.

Внутренний капкан чувства вины и долга захлопывался. На Дану накатывала паническая атака, ком в горле сжимался до боли, и она снова покорно опускала голову, соглашаясь со всеми навязанными правилами. Сильный, боевой характер на работе трансформировался в рабское послушание дома. Девушка медленно, но верно стирала себя из реальности, превращаясь в безупречный глянцевого манекен, запрограммированный на чужой успех.

И если бы в этой выверенной жизни не появился сумасшедший крафтовый конверт от Киры, внутренний стержень, вероятно, сломался бы окончательно, навсегда замуравив настоящую, живую Дану под мёртвым слоем серого керамогранита.

Глава 5. Запах ультрамарина и первый бунт

Весь следующий день в банке Дана не могла сосредоточиться. На мониторе расплывались графики доходности, а в мыслях назойливо крутился шершавый крафтовый конверт, спрятанный на самое дно деловой сумки.

В пять вечера на телефон пришло сообщение от Максима:

«Заеду за тобой в 18:15. Ужин у моих родителей, не забывай. Мама приготовила фирменную утку. Будь вовремя, ты же знаешь, как папа не любит ждать».

Дана замерла над клавиатурой. Пальцы мелко дрожали. Внутри словно боролись две разные сущности. Одна — привычная, послушная отличница — уже готова была закрыть ноутбук и бежать к выходу, чтобы успеть обновить помаду перед встречей. Но вторая — та самая, что годами рисовала птиц из битого стекла на полях отчётов, — упрямо сжала кулаки.

Она сделала глубокий вдох и быстро, пока не передумала, набрала ответ:

«Максим, я не приеду. Я же говорила вчера — у меня сегодня урок живописи. Извинись за меня перед родителями».

Реплика прилетела через тридцать секунд. Экран буквально вибрировал от возмущения:

«Дана, это не смешно. Какой урок? Что за детские капризы? Поиграла в бунтарку вчера за столом и хватит. Я жду тебя в машине через час».

Дана не ответила. Она заблокировала экран, выключила рабочий компьютер и впервые в жизни покинула офис ровно в 18:00, проигнорировав удивлённый взгляд начальника. Сердце колотилось в самом горле. Ей казалось, что совершается преступление века.

Адрес из сертификата привёл её в старый промышленный район. Никакого глянца, стекла и мрамора, к которым она привыкла. Обычный кирпичный заводской корпус, облупившаяся краска на дверях и крутая лестница, ведущая на мансардный этаж.

Дана поднималась, и каблуки звонко цокали по бетонным ступеням. На ней был всё тот же строгий серый костюм-двойка и белая блузка. Она чувствовала себя здесь максимально чужой.

Толкнув тяжёлую деревянную дверь, девушка замерла на пороге.

Помещение было огромным, с высокими потолками и панорусными окнами, за которыми догорал пыльный городской закат. Но главное — запахи. Здесь пахло совершенно иначе, чем в банке. Густой, резкий, пьянящий аромат льняного масла, растворителя, сухой постели и свежей, сочной краски. Этот шлейф не выветривался годами, он намертво вьлся в кирпичные стены.

— О, привет! Ты, должно быть, Дана? — навстречу вышла девушка в рваных джинсах и огромной футболке, перепачканной всеми цветами радуги.

Это была Кира, дочь маминой парикмахерши и хозяйка студии. Она улыбалась так открыто и тепло, словно они были знакомы тысячу лет.

— Да, привет... Я по сертификату, — Дана неловко прижала к себе сумку. — Извини, я, наверное, не очень правильно одета для этого.

— Брось! — Кира махнула рукой, на которой звякнули серебряные браслеты. — Для творчества нет дресс-кода. Главное — то, что у тебя внутри. Держи фартук, спасём твой дорогой костюм. Выбирай любой мольберт и подрамник. Что мы сегодня пишем? Есть референсы? Или из головы?

Дана надела плотный холщовый фартук поверх строгого жакета. Перед ней стояла абсолютно чистая, ослепительно белая ткань на деревянной подставке. На столике рядом лежали кисти, мастихины и тяжёлые тубики с масляной краской.

— Я... я не знаю, — растерялась Дана. — Раньше только ручкой в блокнотах рисовала. Цветочки там, птиц. Я не умею профессионально. Максим говорит, у меня нет базы.

— Максим твой — зануда, — легко бросила Кира, выдавливая на палитру огромные жирные капли: ослепительно-жёлтую, глубокую ультрамариновую, тревожную алую. — База нужна для чертежей в банке. А здесь мы выпускаем душу погулять. Какая краска тебе сейчас подмигивает? Выбирай.

Дана посмотрела на палитру. Взгляд намертво приковал к себе глубокий, почти чёрный ультрамарин. Синий, как ночное небо перед бурей.

— Этот, — тихо сказала она.

— Отлично. Бери самую большую кисть. Не бойся. Сделай первый мазок. Испортить холст невозможно, его всегда можно переписать.

Дана взяла тяжёлую кисть. Рука снова задрожала. Синдром отличницы сковал плечи: а вдруг получится уродливо? Вдруг совершу ошибку? Она занесла щетину над идеальной белизной основы и замерла.

— Закрой глаза, — мягко подсказала Кира, отходя на шаг назад. — Сделай вдох. Вспомни банк, отчёты, утку Максима, правила, по которым ты обязана жить. Почувствуй эту злость. А теперь открой глаза и ударь.

Дана зажмурилась. Перед мысленным взором вспыхнуло лицо Максима, его холодные пальцы, недовольный взгляд мамы, уродливый синий шрам ручки, перечеркнувший птицу на совещании. Внутри словно сорвало плотину.

Она открыла глаза, резко макнула кисть в синий ультрамарин и с размаху провела широкую, жирную, яростную полосу через всё белое поле.

Звук рвущейся о ткань щетины отозвался где-то в груди. Дана затаила дыхание. Чистота была нарушена. Правила сломаны.

И вдруг её прорвало. Дана начала накладывать широкие, хаотичные мазки. Она забыла про технику, про Киру, про время. Брала краску пальцами, размазывала ладонью, смешивала синий с багрово-красным. На холсте рождалось что-то яростное — штормовое море, в центре которого бился, пытаясь взлететь, огромный тёмный силуэт.

Она не заметила, как из глаз покатились слёзы, смывая выверенный дневной макияж. Но то были не слёзы боли. То были слёзы очищения. С каждым движением руки с шеи словно спадала невидимая удавка. Плечи расслабились, дыхание стало глубоким и частым. Девушка впервые за много лет чувствовала себя абсолютно, оглушительно живой.

Через два часа всё было кончено. Дана стояла перед подрамником, тяжело дыша.

Волосы выбились из тугого пучка и падали на лицо. На щеке красовался след синей краски, белые манжеты блузки были безнадежно испорчены ультрамарином, а пальцы по локоть покрывали цветные пятна. Но лазурные зрачки... они горели таким диким, настоящим светом, какого в них не было никогда.

— Вау... — тихо произнесла Кира, глядя на картину. — Дана, это... это невероятно мощно. В тебе сидит настоящий зверь.

Она посмотрела на работу. На холсте бушевал океан, и сквозь тучи пробивался первый тонкий луч золотого света.

— Я сделала это сама, — прошептала она, не веря своим глазам.

В этот момент в сумке завыл телефон. Дана достала его испачканными пальцами, оставляя на экране жирные следы. На дисплее светилось: «Максим». На часах было девять вечера. Она пропустила ужин. Она разрушила его идеальный план.

Но сейчас, глядя на свои синие ногти и на бушующий океан на холсте, Дана вдруг поняла: ей больше не страшно.

Она выключила звук телефона и повернулась к Кире с безумной, счастливой улыбкой:

— Можно я оставлю картину здесь, пока она высохнет?

— Конечно. Твоё место теперь всегда тут, — улыбнулась Кира.

Дана вышла на улицу. Ночной воздух показался невероятно вкусным. Она шла к метро, не обращая внимания на прохожих, которые косились на испачканное краской лицо и испорченный дорогой костюм. Она чувствовала, что перешагнула невидимую черту. Назад, в стерильный мир банка и чётких планов Максима, дороги больше не было.

Она приехала домой, в их общую квартиру. Свет был выключен, но Максим не спал. Он сидел в кресле в темноте, и в руке тускло светился экран телефона.

— Где ты была? — голос прозвучал тихо, но в нём звенела опасная, ледяная ярость.

Дана сделала шаг в комнату, и в этот момент сильно закружилась голова. Аромат льняного масла и ультрамарина из студии вдруг вспыхнул в носу с такой силой, словно она нырнула в бочку с краской. Окружающий мир — стены, силуэт Максима, мебель — внезапно начал терять очертания, размываясь, как акварель под дождём...

Глава 6. Ошибка матрицы

Ледяная ярость в глазах Максима — это последнее, что Дана помнила из прошлой жизни. А потом мир просто выключили, словно выдернули вилку из розетки. Вспышка ультрамарина, удушливый запах лака, секундная тошнота и... тишина.

Дана резко открыла глаза и закашлялась. Лёгкие обжог холодный, сухой воздух, насквозь пропитанный запахом растворителя, сигаретного дыма и старой древесины.

Она лежала на спине. Но под ней был не мягкий матрас их двуспальной кровати, а жёсткие, покрытые вьевшейся краской деревянные доски. Девушка испуганно села, озираясь по сторонам. Сердце заколотилось в ушах.

То была не их безупречная квартира. Это был огромный, залитый холодным утренним светом лофт. Потолки уходили куда-то в темноту, обнажая ржавые вентиляционные трубы. Вместо аккуратных обоев — голая кирпичная кладка, сплошь покрытая потёками, какими-то безумными граффити и набросками углём. Вдоль огромных панорамных окон, под слоем пыли, ровными рядами стояли холсты. Десятки, сотни подрамников. Некоторые были повёрнуты к стене, с других скалились уродливые, экспрессивные лица, кричали неоновые пейзажи.

Дана посмотрела на свои руки и вскрикнула.

На ней не было делового серого костюма и белой блузки. Она была одета в безразмерную, застиранную мужскую фланелевую рубашку в клетку, наброшенную прямо на голое тело. Пальцы рук оставались чистыми, но ногти — коротко сострижены, а на указательном пальце правой руки темнела застарелая мозоль от долгого держания кисти.

— Что происходит?.. — прошептала она, и собственный голос показался чужим — слишком хриплым, глубоким.

Она вскочила на ноги. Голова закружилась. На полу валялись выпотрошенные тубики, окурки, пустые бутылки из-под дешёвого вина и осколки чашек. Дана бросилась искать стекло. На кирпичной колонне в центре лофта висел обломок старого трюмо в треснувшей раме.

Девушка замерла перед ним, боясь дышать.

Из зеркала смотрело её лицо. Но это была не она. Волосы — не убранные в безупречный пучок, а растрёпанные, подстриженные в рваное, небрежное каре. Глаза — те же, карие, но вокруг них залегли тёмные тени от хронического недосыпа, а во взгляде горело какое-то дикое, лихорадочное отчаяние, которого «хорошая девочка» Дана из банка никогда в себе не видела.

На комод под зеркалом лежал паспорт. Дана схватила его испуганными пальцами. Обложка в пятнах кофе. Она открыла страницу с фото. «Дана Алексеевна Демидова». Дата рождения — её. Лицо — её. Но на прописке стоял совершенно другой адрес.

Рядом завибрировал телефон. Это был не новенький аккуратный смартфон, а старый, со сколотым углом аппарат. На экране высветилось имя: «*Инга (Агент)*».

Дана нажала на кнопку ответа, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Дана! Слава богу, ты взяла трубку! — из динамика раздался пронзительный, истеричный женский голос. — Ты где вообще?! Пресса уже у входа в галерею! Вчера на открытии выставки ты устроила абсолютный триумф, а потом просто испарилась! Твой этот... как его... бывший, Максим, оборвал мне весь провод! Кричит, что ты испортила ему карьеру заявлениями в прессе! Да плевать на него, Дана! Где финальная картина серии? Галерист рвёт и метает, коллекционеры готовы платить любые деньги за «Крик Феникса»! Слышишь? Алло!

Дана слушала этот поток слов, и казалось, что она сходит с ума.

— Я... я не знаю, — выдавила она, отступая назад и едва не зацепив мольберт. — Я не знаю, где картина. Я... я не умею рисовать.

В динамике повисла секундная тишина, а потом Инга нервно расхохоталась:

— Ой, ладно тебе, Демидова! Опять твои экзистенциальные штучки? «Я не умею рисовать, я просто проводник хаоса» — оставь этот пафос для журналистов! Короче, у тебя два часа, чтобы привезти подрамник в галерею. Или нам конец.

Пошли короткие гудки.

Дана медленно опустила руку. Страх — чистый, парализующий страх — сковал тело. Она оказалась в чужом мире. В реальности, где Дана-художница совершила сокрушительный прорыв, создала шедевры, разругалась с Максимом, стала знаменитой... и просто исчезла, оставив материальную оболочку пустой. А она, Дана из банка, заняла это место. Но она не была той смелой бунтаркой. Она оставалась зажатой девочкой, которая умеет только просчитывать риски и извиняться перед матерью.

Она подошла к огромному подрамнику, стоявшему в центре комнаты. Он был закрыт плотной чёрной тканью. Дана протянула руку и сорвала её.

Основа была абсолютно пуста. Белая. Неприступная. Холодная.

В этот момент за спиной раздался тяжёлый, скрипучий звук открывающейся железной двери. Дана вздрогнула и резко повернулась, прижимая фланелевую рубашку к груди.

На пороге лофта стоял мужчина.

Вошедший был высоким, широкоплечим, в тяжёлых армейских ботинках и потёртой кожаной куртке, пахнувшей дождем и бензином. На брутальном лице темнела трёхдневная щетина, а из-под натянутой на лоб чёрной шапки выбивались тёмные пряди. Руки покрывали татуировки, уходящие под рукава, а в пальцах он держал стакан с обжигающим уличным кофе.

Этот человек не был похож на Максима. Ни единой чертой. В Максиме жила выверенная, стерильная правильность. В незнакомце чувствовалась опасная, дикая, природная сила.

Он закрыл за собой дверь пинком ноги, прошёл вглубь лофта, даже не взглянув на Дану, и поставил стакан на заваленный красками стол. Только после этого повернулся и в упор посмотрел на неё пронзительными серо-стальными зрачками.

— Ну и долго ты собираешься реветь над пустым подрамником, Демидова? — голос прозвучал как низкий, бархатистый рокот. В нём не было ни капли жалости. Только ирония и странная, пугающая уверенность.

Дана сделала шаг назад, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Вы... вы кто? — заикаясь, спросила она, натягивая фланелевую ткань на пальцы. — Извините, но... что вы здесь делаете? Пожалуйста, уходите, или я вызову полицию...

Незнакомец на секунду замер. Он медленно изогнул густую бровь, оценивающе разглядывая её с ног до головы. В серо-стальном взгляде проскользнуло искреннее удивление. Он привык видеть Дану другой — наглой, огрызающейся, бросающей в него кисти. А сейчас перед ним стоял испуганный, дрожащий ребёнок с широко распахнутыми глазами.

Он сделал два шага вперёд, мгновенно сокращая расстояние. Дана упёрлась спиной в мольберт с чистой основой. Назад идти было некуда.

Мужчина наклонился к ней так близко, что она почувствовала запах его присутствия — горький табак, кедр и мокрый асфальт. Он заглянул ей в лицо, словно пытался прочесть скрытый код души.

— «Вы»? «Извините»? — тихо, с опасной усмешкой повторил он. — Ты что, головой ударилась, пока вчера от Максика своего убегала? Или это новый перформанс? Где Дана, которая вчера кричала, что перегрызёт мне горло, если я ещё раз раскритикую её штрих?

— Я... я не та Дана, — слёзы брызнули из глаз, и она закрыла лицо ладонями. — Я ничего не умею. Я не умею рисовать. Я из банка... Пожалуйста, не трогайте меня.

Мужчина молчал несколько секунд. Слышалось только его ровное, спокойное дыхание. Затем он мягко, но железно взял её за запястья и убрал руки от лица. Пальцы были горячими и сильными. Он заставил Дану посмотреть на себя.

— Смотри на меня, — приказал он. Голос стал тише, но в нём появилось то, от чего впервые за утро захотелось не бежать, а довериться. — Меня зовут Ян. И я знаю твою суть лучше, чем все эти галеристы и твой прилизанный бывший вместе взятые. Защитная маска наконец-то треснула, да? Под ней оказался испуганный, зажатый ребёнок.

Он отпустил её руки и кивнул на белую ткань подрамника.

— Твоя подружка Инга ждёт шедевр через два часа. Ты пустая. Ты боишься. Отлично. Самое время познакомиться со своим истинным «я», Дана. Одевайся. Мы уходим.

Глава 7. Смытый грим и чашка кофе

Дана сидела на пассажирском сиденье мотоцикла, намертво вцепившись в кожаную куртку Яна, а в голове рушились целые цивилизации.

Она проснулась утром в теле женщины, у которой было её лицо, её имя, но совершенно чужая, пугающая реальность. Мир, где она была дерзкой, признанной художницей, где успела разругаться с Максимом и накричать на прессу. Сознание банковского аналитика металось в черепной коробке, как пойманная в банку птица. Она не понимала законов этой вселенной. Из зеркала на неё смотрели растрёпанные, рваные пряди каре, а этот мужчина — огромный, татуированный, пахнущий бензином и дождём — ворвался в лофт и разговаривал с ней так, словно видел насквозь. Он знал про панику. Знал про пустой холст. Он знал слишком много. Больше, чем она сама знала о себе.

Мотоцикл резко затормозил у небольшого полуподвального кафе на углу глухого переулка. Вывеска над дверью покосилась, а в окнах горел мягкий, приглушённый жёлтый свет.

— Вылезай, Демидова, — глухо бросил Ян, глуша мотор. — Нам обоим нужно заправиться кофе, пока ты окончательно не грохнулась в обморок от экзистенциальных конвульсий.

Они вошли в заведение. Кафе было пустым — раннее ноябрьское утро отпугнуло редких прохожих. Пахло молотой арабикой, корицей и старыми книгами. Ян уверенно прошёл в самый дальний угол, к деревянному столику у запотевшего стекла, и молча кивнул Данае на стул. Через минуту официант принёс две огромные керамические чаши с чёрным кофе и тарелку с горячими круассанами.

Дана обхватила глиняные края дрожащими пальцами, пытаясь согреться. Офисная рубашка под фланелевой курткой казалась слишком тонкой, а макияж, который она так тщательно наносила в той, прошлой жизни, давно размазался от ветра и слёз.

Ян сделал глоток, поставил чашу на стол и в упор посмотрел на неё пронзительными серо-стальными зрачками. В них не было утренней язвительности. Только странная, глубокая и очень прочная уверенность.

— Хватит трястись, Дана, — тихо, но весомо произнёс он. — Я знаю тебя давно. Намного дольше и лучше, чем вся эта пафосная шваль из галереи. И уж точно лучше, чем прилизанный банкир, который видит в тебе только удобный аксессуар для карьеры. Я видел тебя, когда ты ещё не строила из себя эпатажную королеву хаоса. Видел, как ты смотрела на холсты, когда думала, что тебя никто не замечает. Ты можете мне довериться. Я не твой отец. И я не Максим. Не собираюсь тебя ломать или требовать шедевров. Просто дыши.

Эти слова Яна попали в самую глубину удушающей пустоты. В этот момент словно сорвало последнюю, самую прочную плотину, удерживающую многолетние слёзы. Её прорвало.

Прямо там, в полупустом заведении, где кроме них двоих и сонного бариста за стойкой никого не было, Дана начала говорить. Слова хлынули бурным, хаотичным потоком, сбивая дыхание. Она плакала, не пытаясь вытирать капли, которые падали прямо в керамическую чашу, размывая остатки безупречного банковского грима.

— Я не знаю, кто я, Ян! — захлёбываясь, шептала она, сжимая глиняные края так, что побелели костяшки. — Я проснулась, и всё вокруг чужое! Волосы, эта студия... Но хуже всего то, что я всю жизнь жила не своей жизнью! Каждое утро застёгивала эти чёртовы пуговицы на блузке до самого горла, чтобы мама мной гордилась. Резала помидоры кружочками, потому что Максиму так эстетичнее! Проверяла эти дурацкие отчёты рисков до трёх ночи, пока стены перед глазами не начинали сжиматься! Я так устала быть идеальной, Ян! Так устала извиняться за то, что просто хочу рисовать своих глупых птиц в блокнотах! Все хотят видеть во мне кого-то

другого. Мама хочет министерство, Максим хочет серую плитку... А меня... меня настоящую вообще никто никогда не спрашивал! Меня просто стёрли!

Она закрыла лицо руками, плечи судорожно вздрагивали от рыданий. То был плач человека, который только что признался себе в самом страшном грехе — в предательстве собственной души.

Ян молча слушал. Он не перебивал, не давал глупых советов в духе «всё будет хорошо» и не пытался всучить салфетку, заставляя успокоиться. Он просто сидел напротив, скрестив руки на груди, и принимал весь этот шторм обнажённой уязвимости. Присутствие мужчины ощущалось как тяжёлый, нерушимый якорь. Он давал Данае право отплакать всё то, что она глотала последние десять лет.

Когда рыдания начали постепенно стихать, а дыхание выровнялось, Ян медленно протянул руку через стол, аккуратно забрал пустую чашу и поднялся. На лице снова появилось жёсткое, упрямое выражение бунтаря, но в глазах горел тёплый, защищающий огонь.

— Твой грим смылся, Демидова, — негромко сказал он, глядя на заплаканное, но наконец-то живое лицо. — Отличная база для начала. Кофе окончен. Поехали. Мне нужно кое-что тебе показать.

Он помог надеть шлем, бережно застегнул ремешок под подбородком и вывел спутницу на улицу. Дана села на мотоцикл уже по-другому — она прижалась к его спине не от страха перед скоростью, а от бесконечного, интуитивного доверия к человеку, который только что стал свидетелем полного краха и не отвернулся.

Мотоцикл взревел, унося их прочь от центра, туда, где на окраине города, среди ржавых лодочных станций, её ждал старый бетонный ангар и первый, самый яростный урок освобождения.

Глава 8. Скорость и чистый лист

Когда мотоцикл наконец затормозил, у Даны внутри словно рухнули последние ориентиры. Для неё эта безумная поездка через утренний город стала абсолютным кошмаром наяву. В прошлой, банковской жизни она передвигалась исключительно на чистом внедорожнике Максима, всегда пристёгнутая, со скоростью строго по знакам. Теперь же ветер безжалостно трепал новые короткие волосы, шлем давил на виски, а колени во фланелевой рубашке и наспех натянутых чужих джинсах обдувало ледяным воздухом.

Вместо пафосной галереи в центре, где её ждала агент Инга, Ян привёз спутницу на заброшенную лодочную станцию на окраине. Вокруг темнели ржавые остовы старых катеров, серый бетон, камыш и свинцовая, беспокойная вода реки. Здесь не было ни души — только свист прибоя и крики чаек.

Дана сползла с сиденья, ноги дрожали так сильно, что она едва удержала равновесие. Судорожно стянув тяжёлый пластиковый купол, девушка прерывисто задышала.

— Зачем мы здесь? — в голосе звенели слёзы пополам со злостью. — Мне нужно вернуться! Там люди, там выставка, там... там Максим! Вернее, его карьера, про которую говорила Инга. Я должна всё исправить, извиниться перед всеми!

Ян не спеша слез с мотоцикла, встряхнул тёмными прядями и посмотрел на неё со смесью жалости и жёсткого упрямства.

— Извиниться? — он подошёл вплотную, вынуждая Дану запрокинуть голову. — За что ты собираешься извиняться? За то, что наконец-то перестала быть удобным инструментом для чужих амбиций? За то, что та, другая ты, имела смелость сказать правду в лицо прилизанному банку?

— Я не знаю, что она ему сказала! — Дана закрыла лицо ладонями. — Я просто хочу, чтобы всё было чётко. Правильно. Как раньше.

Ян резко, но не больно перехватил её за запястья и потянул за собой к одному из заброшенных бетонных ангаров.

— Твоё «правильно» тебя чуть не убило, — отрезал он. — Смотри сюда.

Он толкнул тяжёлую железную дверь. Внутри было сыро и темно, но в самом центре высились несколько коробок. Ян подошёл к ним, достал три тяжёлых баллончика с аэрозольной краской — ядовито-розовый, чёрный и ослепительно-жёлтый — и швырнул к её ногам. Жестяные цилиндры со звоном покатались по бетону.

— Перед тобой стена, — Ян указал на огромную, серую, чистую бетонную поверхность ангара. — На ней нет линеечек, как в банке. На ней нет графиков. Здесь нет твоей мамы, которая скажет, что ты бледная, и нет Максима с его Excel-таблицей. Бери баллон.

— Я не умею, я испорчу... — Дана отступила назад, пряча руки за спину. Вся сущность «хорошей девочки», привыкшей получать только пятерки, бунтовала против этого вандализма.

— Испортишь что? Ржавый ангар? — Ян приблизился, его серо-стальные глаза потемнели. — Твой главный паттерн, Дана — это страх совершить ошибку. Ты так боишься быть плохой для других, что стираешь себя в порошок. Твоя прошлая версия боролась с этим через эпатаж. Но ты — не она. Тебе нужно научиться выпускать собственную ярость. Прямо сейчас.

Он наклонился, поднял чёрный жестяной цилиндр, силой вложил в дрожащую ладонь и накрыл пальцы своей большой, горячей рукой. Его дыхание коснулось уха.

— Твоя жизнь сейчас — этот серый бетон. Давай. Нажми на клапан. Испорти её. Сломай правила.

Дана почувствовала, как под его нажимом указательный палец поддался.

Пи-и-и-и-и — ы!

Струя чёрной, едкой краски ударила в стену, оставив жирное, неровное пятно с уродливыми потёками. Девушка вздрогнула, ожидая, что сейчас её начнут ругать, накажут или осудят. Но Ян просто отпустил её и отступил на шаг, скрестив руки на груди.

— Ну? И где гром и молнии? — усмехнулся он. — Мир рухнул от того, что ты оставила чёрное пятно на бетоне?

Дана посмотрела на потёк. Потом на баллончик в руке. Внутри, в самом низу живота, там, где вчера в студии Киры родился первый слабый огонёк, сейчас заворачалось что-то огромное, тяжёлое и горячее. Это была злость. Накопленная годами ярость за каждую невысказанную обиду, за каждую блузку, застёгнутую на все пуговицы, за безмолвие отца и каждую претензию матери Максима.

— Они все... они все хотели, чтобы я была роботом, — прошептала она, и голос вдруг окреп.

— Так заяви им об этом, — тихо сказал Ян.

Дана сделала шаг к стене. Она встряхнула баллончик — металлический шарик внутри звонко застучал. Она нажала на клапан уже сама, без чужой помощи.

Пиик. Пиик. Пи-и-и !

Она начала водить рукой по бетону. Чёрные хаотичные линии ломали пространство. Ей стало мало одного цвета. Дана отбросила чёрный жестяной цилиндр, схватила ядовито-розовый. Она рисовала не птиц и не цветы. Она выплескивала на поверхность свои панические атаки, ком в горле, удушающую «идеальность». Она покрывала стену яростными, рваными движениями, пока ладонь не занемела от напряжения.

— Я не хочу быть безупречной! — крикнула она в пустоту ангара, и голос эхом разнёсся под сводами. — Я не хочу в ваш чёртов «Олимп»! Мне не нужна эта серая плитка!

Она бросила последний баллончик. Тот с грохотом отскочил от пола.

Дана стояла перед изрезанной цветными, кричащими, яростными шрамами краски поверхностью, тяжело и часто дыша, как после марафонского бега. Рукава рубашки покрывала цветная пыль, лицо горело. Но самое главное — ком в горле, который душил последние пять лет, исчез. Ей стало легко дышать.

Она медленно повернулась к Яну. На лице не было привычной дежурной улыбки. То было лицо женщины, которая только что совершила первый настоящий побег из тюрьмы.

Ян стоял у двери, и на его губах играла едва заметная, одобрительная усмешка. Он подошёл, достал из кармана куртки влажную салфетку и мягко, удивительно бережно для его огромных рук, начал вытирать пятно розовой краски со щеки Даны.

— Ну вот, — тихо сказал он, заглядывая ей в глаза. — Приятно познакомиться, Дана. Настоящая Дана. А теперь нужно возвращаться. Холст в лофте всё ещё пуст, но теперь тебе есть что на нём сказать.

Глава 9. Мышечная память послушания

Едва они вернулись в лофт, чтобы забрать вещи для галереи, мир вокруг словно захлопнулся, превратившись в стерильный пластиковый контейнер. Стоило Данае остаться наедине с бытовыми вещами, как фантомные запахи прошлого — дорогой парфюм Максима, вычищенный монохром их квартиры — удушливой волной накрыли сознание.

Она прошла в санузел лофта, закрыла дверь на замок и без сил опустилась на холодный пол, прижавшись спиной к кирпичной стене. Её трясло. Адреналин, который заставлял яростно швырять аэрозольную краску на серый бетон, испарился, оставив после себя оглушительную, парализующую слабость.

Психика, застрявшая в многолетнем синдроме «хорошей девочки», устроила Данае жестокий, безжалостный откат.

Дана посмотрела на руки. Пальцы были грязными, под ногти въелась чёрная и розовая краска, кожа на ладонях горела. Этот вид собственного неидеального тела мгновенно спровоцировал паническую атаку. Внутри зазвучал леденящий, осуждающий голос матери: «Посмотри на себя! На кого ты похожа? Грязная, растрёпанная, неблагодарная дрянь». Следом включился ровный, разочарованный тон Максима: «Дана, это же полная безвкусица. Ты ведёшь себя как импульсивный подросток».

— Я всё испортила... — прошептала она, закрывая лицо испачканными руками. — Зачем я это сделала? Зачем пошла за этим сумасшедшим? Нужно вернуться к Максиму, извиниться, подписать этот проклятый аудит, вернуть всё как было...

Ей казалось, что если сейчас не смыть эту грязь, не натянуть обратно маску идеальной Даны из банка, её просто не станет. Она исчезнет, её уничтожит всепоглощающее чувство вины перед родителями, перед будущим, перед правилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.